

РУССКАЯ КЛАССИКА

Иван

БУШИН

Леткое дыхание

Легкое дыхание // Эксмо, М., 2001

ISBN: 5-04-001797-9

FB2: , 11 December 2018, version 1.1

UUID: 44A16970-6406-4F63-9919-28D6A18ABF11

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Иван Алексеевич Бунин

«Надежда»

(Легкое дыхание)

Содержание

#1	0005
Комментарии	0011

Иван Алексеевич Бунин
«НАДЕЖДА»

Есть несравненная прелесть в этих осенних днях, серых и прохладных, когда, возвращаясь из города на дачу, встречаешь только одних ломовых, нагруженных мебелью прочих запоздавших дачников. Уже прошли сентябрьские ливни, переулки между садами стали грязны, сады желтеют и редуют, до весны остаются наедине с морем. Вдоль дороги, среди садовых оград и решеток, только и видишь теперь, что закрытые фруктовые лавки, будки, где продавали летом воды... По всему пути, от дорогих вилл и до выбеленных известкой домишек на отдаленном каменистом побережье, видишь раскрытые балконы, увитые длинными сухими ветвями дикого винограда, закрытые ставни, наглухо забитые двери, завернутые в рогожу нежные южные растения. И чем дальше от города, тем все тише, безлюдней. Паровик ходит уже редко, и требовательные свистки его на остановках далеко отдаются в чистый воздух. Шагаешь вдоль пути между садами и слушаешь... Вот паровик где-то остановился и два раза жалобно и гулко крикнул, но где, близко или далеко, не скажешь. Свисток похож на эхо, эхо на сви-

сток, а замерло то и другое, растаял удаляющийся шум за садами — и опять ничем не нарушаемая тишина. Не спеша шагаешь по шпалам, сердце бьется ровно, идти и дышать осенней прохладой легко и сладко... Остаться бы тут до весны, слушать по ночам шум бушующего в темноте моря, бродить по целым дням на обрывах! Образ одинокой женщины на террасе зимней виллы рисуется воображению, каждая аллея тополей, с синевой моря в пролете, зовет в свои ворота...

Мы шли и заглядывали в такие аллеи, любуясь старыми мраморными статуями среди цветников и деревьев, желтыми листьями, которые покрывали садовые дорожки и ступени балконов. День был серый и спокойный, прохладный, в свежем воздухе сыро и крепко пахло морем. Море выглядывало то там, то здесь из-за кустов и деревьев, оно наполняло своим присутствием всю окрестность, его свобода и дыхание чувствовались все время и всюду. Помнишь мраморную нимфу в чьем-то большом запущенном парке, что так задумчиво сидела на глыбе камня среди фонтана? Летом, когда парк был тенист и зноен, ко-

гда солнечные пятна осыпали нимфу, из камня со всех сторон бежало множество холодных и чистых ключей, и, склонив голову, нимфа слушала их непрестанное журчанье. Теперь оно смолкло, в садах было свежо, тихо, и сквозь низкорослые акации, сквозь ветви обнаженных тополей и кустарники цвета земли свободно чувствовался пустынный простор морского побережья...

Мы шли, а воздушно-голубое море все шире открывалось то там, то здесь за деревьями и красными черепичными крышами дач на обрывах. И как раз в то время, когда мы дошли до того места, где сады вдруг расступаются, где всегда внезапно останавливаешься, пораженный простором далее, почти на черте горизонта увидали мы паруса «Надежды».

Уже вечерело, и среди спокойных серых облаков, длинными грядами закрывавших небо, появились оранжевые оттенки, — признак того, что холодеет. К горизонту было светлее, а прохлада после дождей и без того очистила воздух и необыкновенно расширила дали. В море был штиль, и оно разворачивалось безграничной равниной нежно-зеленой,

отчасти сиреневой стали, которая смелым и вольным полукругом касалась вдали неба. Внизу, по извилистой линии заливов, зеленая вода была так прозрачна, что даже с обрыва видны были темно-лиловые спины камней под нею; дальше ее поверхность кое-где морщилась, как поверхность шелковой ткани, под набегавшим легким ветром, доносившим до нас свежий морской запах, а еще дальше спокойный простор моря убегал к горизонту длинными и тонко начертанными полосами течений и оттенков. У горизонта они терялись, — казалось, что за горизонтом снова начинаются спокойные водные поля; но, должно быть, там, где была «Надежда», был ровный попутный бриз. И, ярусами подняв свои паруса, сузившись в отдалении, «Надежда», как сказочная плавающая колокольня, четко серела на той зыбкой грани, где море касалось неба. Она была одна и необыкновенно подчеркивала эту ровную ширь, во всей полноте воскресшая своими парусами поэзию старого моря. И даже с побережья, несмотря на огромное для глаза расстояние, видно было, какое это славное, сильное судно, изящное и

гордое, точно королевский бриг. Летом оно вернулось из Австралии, и мы встретили его, как друга, смотрели на него, как на живое. Сколько стран и морей видело оно, сколько океанских волн омывало его острую, высокую грудь! Гавань была переполнена судами, но все это были тяжелые и неуклюжие пароходы, дымившие черными приземистыми трубами, нагруженные черепицей, железом, хлебом, бочками, по целым дням грохотавшие лебедками. Они знали только свои грузы, а на «Надежде» странствовали, учились молодые моряки, и как выделялась в этом плавучем городе судов легкая и вольная «Надежда», входившая в гавань под шестью рядами своих парусов! Теперь она снова покидала нас... И все, о чем мы так юношески мечтали, в те дни, глядя в море, вечно что-то обещающее за своими зыбкими горизонтами, все, чем оно волновало нас и в этот осенний день в тишине опустевших дачных садов, — все с необыкновенной силой охватило нас при виде далекой «Надежды»...

Коснувшись горизонта, она вырезалась и как бы застыла на нем. Куда она держала

путь? К югу, к Босфору, Средиземному морю... Завтра перед ней откроются более нежные дали, тонко засияют новые берега... Стройная, одинокая на последней грани моря, она удалялась незаметно, но неуклонно. И уже новые горизонты развертывались перед теми, которые были на ней...

Ночью, когда набегающий ветер беспокойно и осторожно, точно ища чего-то, шелестел сухими ветвями дикого винограда на нашем балконе и доносил полусонный шум волн, я все еще провожал «Надежду» на ее пути в темном море...

1902-1932

Комментарии

Первая публикация не установлена. Первый сборник, в который он был включен, — «*Рассказы*», 1902. Печатается по тексту газеты «*Последние новости*», Париж, 1932, № 4036, 10 апреля.

По свидетельству В. Н. Муромцевой-Бунинной, из прозы за весь 1902 г. Бунин написал только «*Надежду*» («*Жизнь Бунина*», с. 150). Дату написания рассказа подтверждает и письмо писателя Н. Д. Телешову от 21 марта 1902 г.: «Относительно „Надежды“... ты ошибаешься: красивая и тонкая штука. Не морщись, это не наглость, а просто искренность» (ИМАН). Это был ответ на замечания, высказанные Телешовым в письме от 15 марта 1902 г.: «Нет, Ив. Ал!.. Рассказ сухощав, а не мускулист. Словно чужое письмо читаю... Просто не нравится, и все тут» (ЦГАЛИ).

Перед каждой новой публикацией Бунин вносил в текст поправки. В частности, при подготовке сборника «*Перевал*» из первоначального текста рассказа была исключена фраза: «Или прав внутренний голос, который не

умолкая говорит нам, что жизнь дана для жизни и что нужно только одно — непрестанно облагораживать и возвышать это „искусство для искусства“»; тогда же была изменена начальная фраза рассказа: вместо «Помнишь ли ты, Леонид!» стало: «Помнишь ли ты»; из фразы «... в прошлом году, под Одессой, у моря...» были вычеркнуты слова «под Одессой».

В книге *«Начальная любовь»* из «нивского» издания исключена часть второго абзаца:

«Уходя все дальше от города, мы строили неосуществимые планы путешествий и связывали с ними мечты о той утонченной, несбыточной любви, которая, казалось, была разлита вокруг нас в этой тишине, прохладе, морском воздухе, в нежно-разнообразной красоте легких лиловатых тонов неба и осенних садов... Помнишь мраморную нимфу в чьем-то большом запущенном парке, что в свободной и женственной позе сидела на глыбе камня среди фонтана? Летом, когда парк был тенист и зноен, когда солнечные пятна золотым дождем осыпали нимфу, из камня со всех сторон бежало множество холодных и чистых ключей, и, склонив голову, нимфа точно при-

слушивалась к их непрерывному журчанию. Теперь оно смолкло, в садах было свежо, тихо, и сквозь низкорослые акации, сквозь ветви обнаженных тополей и кустарники цвета сухой земли свободно чувствовался простор морского побережья... Зачем так прекрасны надежды, которые неосуществимы? Зачем эта вечная мечта о красоте, о любви, слитой со всем миром, о счастье, что недоступно нам уже по одной кратковременности нашей на земле?»